

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Велению Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Да, А.С. Пушкин, как человек своего времени, был православным христианином, но не настолько, чтобы его поэтическую систему можно было назвать христианской. Давайте вспомним еще раз, что он автор «Гавриилиады»

и десятков родственных ей по духу стихотворений. Поэтому и в этом плане не надо делать его «своим», пусть он навсегда останется нашим.

Пушкин - Поэт, и не надо ему никем быть больше. На примере крупных русских писателей мы не раз убеждались, что как только кто-то из них ударяется в политику или религию, он сразу же теряет в своем качестве как писатель. А один из величайших поэтов нашего столетия так наступил на горло собственной песне, что вместо нее в свет вышли только сто томов его партийных книжек. А ведь какой был талантище!

Пушкин избежал при жизни этой участи, оттого и после смерти остался величайшим поэтом России.

СТИХИ АМУРСКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ А. С. ПУШКИНУ

Олег Маслов

* * *

Я помню чудное мгновенье...

А. С. Пушкин

И мне не позабыть мгновенье,
Которое воспел поэт, -
Оно пришло, как озаренье,
В мои ребячьи девять лет:

Я с удивлением заметил,
Что среди всех есть ты одна,
И день свиданием стал светел,
И ночь - разлукою темна.

Я был готов смотреть часами,
Забывшись, на твои черты,
Как на изменчивое пламя
Непостижимой красоты.

Но встречи были так мгновенны -
Их прерывал звонок, как рок,
И целый час до перемены
Вновь длился тягостный урок.

А ты всегда меня встречала,
Как равнодушная луна,
И даже не подозревала,
Что жизнь моя тобой полна.

Но легче было умереть мне,
Чем пред тобой открыться в том...
Я прозябал, увы, лишь в третьем,
А ты была - уже в шестом.

Инга Соколова

* * *

Храни меня, мой талисман...

А. Пушкин

Я не знаю, что тебе сказать,
На душе так тихо и просторно.
Как пустынна голубая гладь
Глаз твоих, глубинна и озерна!

Я не знаю, что тебе сказать,
Я простила боль мою, все муки.
Я боюсь промолвить и солгать,
Я боюсь покинуть твои руки.

Игорь Игнатенко

ПУШКИН

За честь свою он поднял пистолет,
Себя на смерть тем самым обрекая,
И умер, никого не упрекая,
Во цвете сил, во славе зрелых лет.

Подумайте! Ну, разве не арап!?
Сподобленный стать светочем России,
Ее пророком и ее мессией,
За честь жены скончаться был он рад.

И вышло так, что спас свою он честь,
И честь жены, и честь своей Отчизны,
Но горький ропот давней укоризны
Нам не отвести, как траурную весть.

И до сих пор в метельных феврялях
Мне чудится напутствие поэта...
Он был певцом любви, восторга, света,
И потому погиб, а не зачах.

И потому он ищет продолженья
В родимом слове, в перелисте книг.
Что смерть Поэта? - это только миг.
Его явленье - вечности служенье.

Александр Бобошко

ПРО СЕБЯ СКАЖУ

Без поэзии - тоска. Без поэтов скучно мне.
Я и сам Пегаса в мыло часто загонял.
...Я на днях статью прочел о великом Пушкине.
Ничего там нового, правда, не узнал.

Азбучные истины мной и так изучены.
Мол, давил на Пушкина жизни тяжкий пресс.
Цензоры - неистовы. И долги замучили.
Был поэт ревнив. Его донимал Дантес.

За границу он хотел. «Стоп!» - жандармы-стервы.
Бенкендорфу лично он далеко не мил.
И обласкан не был он Николаем Первым.
И тираж стихов его лишь в три тыщи был.

Гений - Пушкин! Равных нет - не ищи и не свищи...
Про другое думаю, высказать спешу.
Было ли когда легко хоть кому из пишущих?
Про других не буду я. Про себя скажу:

В трудовой я рос семье. Был чуть-чуть психованный,
Ибо начал чувствовать - с нянечкой беда.
Не было подобия Арины Родионовны.
Да и вовсе не было няньки никогда.

От Елены - бабушки от моей - Григорьевны
Я ни разу в общем-то сказок не слышал.
Вот и не развился я методом ускоренным,
И мальцом себя в стихах пробовать не стал.

Эх, не навевала мне бабушка сюжетики.
Редко улыбалась нам. Грыз проклятый зуб,
Загрызал... Бессильными оказались медики,
И легла серьезная бабушка во гроб.

...Моя мама в юности на балы не ездила.
Летом с хворостиною уток стерегла.
Не светило яркое ей имен созвездие
В темноте медвежьего дальнего угла.

И отец, однако, мой не был вхож в салоны,
С публикой богемною не встречался он.
Если и в салоне был мой батяня - оный
Только «пассажирским» лишь зваться мог салон.

...Я пришел в редакцию. Был редактор бледен.
Говорили, что старик очень сильно пил.
Так или не этак, но «нас он не заметил,
В гроб сходя», лишь выругал, не благословил.

Я просил вернуть тетрадь со стихами. Долго
Он ее искал. Найдя, морщился, зевал.
Массу общих слов сказал - и ни слова толком.
Понял я: тетрадь мою он не открывал.

А насчет лица: с ним тоже не везло мне.
Впрочем, если б даже вдруг был лицом открыт,
Ходу не дали бы все ж той моей персоне.
Папа мой не из бластных и не знаменит.

...Помню школу. Курс ее, мягко скажем, спорен.
На уроках знали мы скуку, маету.
«Лишний» нас не волновал человек - Печорин.
Не ценили Чацкого ум и остроту.

Мы стихи, поэзию жутко ненавидели.
Девять глав «Онегина», целых девять - стресс!
Слава Богу, думали, что нашелся в Питере
С пистолетом умненький дяденька Дантес.

Пушкин прожил тридцать семь. Сделал не на шутку!
Учишь - задыхаешься, словно в горле кость.
А до ста бы дотянул? Аж подумать жутко,
Сколько бы заучивать нам тогда пришлось!

Вызовут к доске - идешь потный и неловкий.
Не слова - мычание извлекаешь ты.
Пробубнишь, как пономарь, чертовы рифмовки.
Не забыть, не сбиться бы - вот мои мечты!

Я поэтов не любил, я поэтов хаял.
Стыдно мне сейчас про то людям рассказать.
Просто удивительно, как пришел к стихам я.
Стал читать и сам теперь пробую писать.

Ну, а где пишу? Весь день я кручусь в заботах, но
Если время выдалось, - вечером пишу.
Но - отдача малая. Мне бы в отпуск, в Болдино.
Дайте ссылку в Болдино лет на пять, прошу!

Дома телевизор, треп, все такое прочее,
Что присуще каждой вообще семье.
Можно бы, конечно, сочинять и ночью -
Только днем, не выспавшись, как работать мне?
Если бы, устав от дел, я домой пришел,
А меня слуга раздел, - было б хорошо!

Глядь на стол, а там - балык, с ягодой вареник.
Мне слуга анисовой двести грамм налил.
Я часок вздремнул, в журнал еду «Современник»,
Где роман последний свой нынче поместил.

Пру в редакцию, как прет, извините, трактор.
В дверь стучать не надо там из последних сил.

Хорошо писать, когда сам себе редактор.
Хорошо писать, когда сам себе кассир.

Я старался бы с пути не сойти на йоту.
Лира - вот мой первый друг. Больше никого.
А какой-нибудь Дантес пакостил бы - к черту!
Слишком много чести, чтоб замечать его.

И меня не любит власть. Власть себя лишь любит.
Лживых льстивых рифмачей обожает царь.
Я по улице иду. Вдруг подходят люди.
«Пишешь честно, - говорят, - так и дальше шпарь!»

Шпарю... Меньше, чем хочу. Стих не для прокормки.
Книжку тонкую издал. Сотня - весь тираж.
Вновь поденщиной займусь. Жить без хлебной корки
Не умею, и купить надо карандаш...

А порой так хочется: на плечо - гитару,
И на двести лет назад в стольный град рвануть.
Там на тройке пронестись с девочками к «Яру»,
Да на бал одним глазком хоть разок взглянуть.

Да найти бы тот салон, хорошо, конечно, -
(Душ почувствовать родство, счастья миг вкусить) -
Где стихи читает он, сам земной и грешный,
Средь поэтов - божество, лучший на Руси...

Настя Карловская

г. Благовещенск,
школа № 5.

* * *

Среди поэтов, в мире славных
(Нам всех не сосчитать имен),
Стоишь в рядах ты самых главных
Средь тех, кто Богом одарен.

Когда в минуты вдохновенья
От темной ночи до утра
Лились, как быстрое течение,
Твои стихи из-под пера,

Уж предсказали строки эти,
Что ты отныне во главе
Средь всех поэтов в белом свете
С венком золотым на голове.

И вот сбылось то гаданье,
К сердцам людей ты ближе стал,
И, подчиняясь предсказанью,
Уж занял первый пьедестал.

Ведь любят все твои творенья
И почитают: и стар, и мал.
Опять все ищут для прочтенья
Лишь то, что Пушкин написал.

И вот, стихи кончая эти,
Всевышних праведных отцов
Благодарю, что на планете
В России - лучший из творцов.